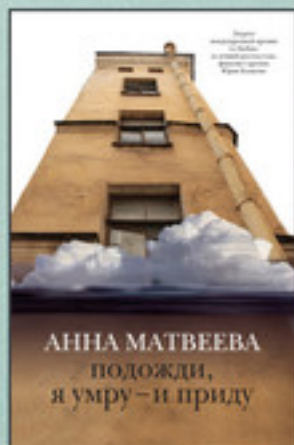

Анна Матвеева

В лесу

*Часть сборника
Подожди, я умру – и приду
(сборник)*

Анна Матвеева

В лесу

«АСТ»

2012

Матвеева А. А.

В лесу / А. А. Матвеева — «АСТ», 2012

ISBN 978-5-457-23637-0

«Перед машиной Алуси ехал гигантский джип с трогательной наклейкой на заднем стекле. Белый круг, в нем – розовый младенец с бутылочкой во рту и надпись: «В машине – малыш». Джип двигался так неуверенно и дергано, что Алусе пришел в голову другой вариант надписи – «За рулем – малыш». Из-за этого чертова джипа еще и видно ничего не было. Малыш дернулся и встал. Алуся бросила руль и полезла в сумку за сигаретами. На пачке был записан номер телефона контрагента, с которым надо было созвониться сегодня до семи, кровь из носу...»

ISBN 978-5-457-23637-0

© Матвеева А. А., 2012

© АСТ, 2012

Анна Матвеева

В лесу

Посвящается Анне Б.

Алуся пыталась выехать из города уже битый час. Битый, убитый, бесценный час. Битый убитого везет. Можно было столько всего втиснуть в эти шестьдесят минут, но Алуся вместе с другими водителями стояла в очереди к дивной загородной жизни. Как только что-то хорошее или бесплатное – так сразу очередь. В этом смысле ничего не изменилось с советских времен, по которым так страстно тоскуют молодые люди, не ведавшие вкуса алюминевой вилки в пельменной (а у нее, доподлинно, был вкус – куда мощнее и богаче, нежели у тех самых пельменей), не помнившие, как чавкает под ногами бурый снег в демонстрацию 1 Мая, вообще ничего не знавшие о советском времени. Флагман томящихся по нему людей – пятидесятилетний телевизионный юноша, эксперт по вопросам чулок в резинку, Будулаю и Саманте Смит, конечно, помнил былое и свои о нем думы, но Алуся флагмана не жаловала. Было в телеюноше что-то отталкивающее, прорывалась сквозь эту вихрастую питер-пэнскость вполне адюльтная, карьерная старательность, а она похуже нежелания стареть и умирать.

Алуся, впрочем, тоже еще не собиралась стареть и умирать, хотя возраст ее сорокатрех-летний казался ей преклонным. Она, будьте покойны, отлично помнила и вилку, и демонстрацию, и блеск комсомольского значка на лацкане школьного пиджака. И ни капельки не томила по тому времени.

Как говорит мама Лена, «не по чем там скучать».

Перед машиной Алуси ехал гигантский джип с трогательной наклейкой на заднем стекле. Белый круг, в нем – розовый младенец с бутылочкой во рту и надпись: «В машине – малыш». Джип двигался так неуверенно и дергано, что Алусе пришел в голову другой вариант надписи – «За рулем – малыш». Из-за этого чертова джипа еще и видно ничего не было. Малыш дернулся и встал. Алуся бросила руль и полезла в сумку за сигаретами. На пачке был записан номер телефона контрагента, с которым надо было созвониться сегодня до семи, кровь из носу.

Когда мама Лена впервые нашла у нее в сумочке сигареты, Алусе было восемнадцать лет. Мама орала на нее так, что у Алуси пошла носом кровь. Но даже с головой, закинутой назад, она сообщила, что совершеннолетняя. Имеет право.

– Конечно, – кричала мама Лена, – имеешь право не слушать мамульку! А кто тебя рожал двадцать три часа, такую красивую, а? Другая родила бы какую-нибудь каракатицу!

Другая шла по пятам мамы Лены всю жизнь, и всё-то она, болезная, делала не так, как надо. Другая не смогла бы устроиться на хлебное место в банк, купить в тяжелую пору две квартиры и дачу. Другая не стала бы сидеть всё детство с девкой – так она звала внучку Илону, имени которой решительно не признавала. Алуся назвала дочку в честь незабвенной пионервожатой, которая любила группу «Форум» и лак для ногтей «бриллиант». С розовым переливом.

Когда восемнадцать лет исполнилось Илоне, выяснилось, что она согласна избегать кого угодно, только не родной мамы. И это, удивительная вещь, Алусю тоже раздражало.

– Конечно, – язвила мама Лена, пригнутая к земле годами, но всё еще полная злой энергии и удивительных идей. – Другая девка носилась бы с парнями по дискотекам, принесла бы нам в подоле, а тебе всё нехорошо!

У Илоны тоже была «другая» – вечная несчастная спутница, обреченная на муки и страдания.

Малыш проехал два метра и снова встал. Алуся выбросила окурок в окно и стала рассматривать себя в зеркале дальнего вида.

Ничего особо интересного она там не увидела. Она и в молодости была не слишком хорошенькой, а теперь и вовсе выглядела не женщиной, но человеком. Странно, что этот человек так нравился Лангепасу. Бедный Лангепас! Наверное, уже добрался до Коротышей, открыл дверь, вдохнул аромат черемухи... Рядом – рябина, вонючая, но всё равно хорошая. Там зеленые морщинистые ладошки подорожников и жирные сочные одуванчики. Птичка, не городская, щебечет. Пищуха, может? Или зеленушка? Гаичка? Лангепас всех птиц знает. А бедная Алуся никак не выедет из проклятого города.

Город ее никогда не отпускал – точно как Илона. В юности Алуся это ценила: падала в объятия городу, как в воду на знакомом пляже. Спина могла упасть – и город не подводил, держал ее своими домами, дворами, протянутыми руками всех своих памятников...

Лангепасу можно, конечно, позвонить, но Алуся старалась общаться с ним через телефон только в самых крайних случаях. Боялась засветить номер перед Илоной и перед мамой Леной. А еще ей не очень нравился голос Лангепаса – по телефону он звучал всегда встревоженно, заботливо. Будто Алуся не любовница ему, а дочь.

Хватит с нее собственных родственников. И дочь у Лангепаса есть своя, Шашенька. Балованная девица двенадцати лет с грудью третьего размера. Алуся терпеть не может Шашеньку, но вслух, конечно, умиляется и дает советы по воспитанию. Хотя ей ли давать советы? Илона – инфанта инфантильности. При этом вкусы у дочери вполне взрослые, с барственным уклоном. Любит вип-залы в кинотеатрах, вкусные рестораны и модные бесполезные штучки, ради которых Алуся и фигачится на работе так, что оценили бы разве что в концлагере. Арбайт махт фрай. Щас прямо, как сказала бы Алусина подруга Мура.

Мама Лена тратиться на девку не желает – она любит делать эффектные жесты в сторону малознакомых людей и дальних родственников. Спасибо, что квартиру им подарила, двухкомнатную брежневку, тридцать два метра, планировка «расческой», второй этаж. Алуся путем немыслимо сложных обменов выстроила цепочку с участием семи человек из четырех стран мира и объединила потом это жилье с комнатой, которая осталась после размена и развода. Это был один из первых ее успехов, заря риелторской карьеры.

Малыш на джипе наконец прибавил скорости – оказывается, под мостом столкнулись сразу три, как выражалась мама Лена, «транспортных средства». Мама какое-то время работала в ГАИ, ушла капитаном и не позволяла смеяться над анекдотами про коллег. Пусть они даже бывшие. Однажды призналась, что работу в милиции выбрала из-за формы – она была ей точно под цвет глаз. И мужчин вокруг много, на выбор! Но долго не выбирала, начала жить с папашкой. Рассказывала, как он глянул на новорожденную Алусю и махнул рукой:

– Девка как девка. Пусть живет.

Сам едва ли не сразу после этого перевелся в Кострому. Это имя Аллу волновало с детства – оно было похоже на вкусное слово «бастурма», а еще оттуда приходили таинственные «элементы», превращавшиеся в отрез ацетатного шелка или польские мягкие туфли с «дырочками». «Элементы» папашка платил аккуратно, но только до той поры, пока дочке не исполнилось десять. После десяти – как отрезало. Ни бастурмы, ни Костромы.

Другая бы, разумеется, подала в суд, но мама Лена, как сказала бы Мура, возвысилась над ситуацией. Пристроилась к хвосту желающих получить финансовое образование, довольно быстро растолкала всех в этом хвосте и пробилась напрямик к тепленькому месту в банк, а там уже расселась вольготно. И не сдвинуть ее было с места, как молот Тора, жаль, что мама Лена не знала, что это за молот. А может, и не жаль.

Алусю она доучила до десятого класса, сдала, как багаж, в пединститут и, получив через пять лет с дипломом, пристроила на работу в лучшую городскую школу. Детей ей в класс выбирали придирчиво, как устриц к столу гурмана.

– Вот еще замуж бы надо ее выдать, – озабоченно шепталась мама Лена вечером с иконами. У них были особые отношения и сложные взаимозачеты – мама вроде бы обещала сделать что-то, если иконы справятся. И они свою часть договора выполнили – во дворе школы Алуся познакомилась с молодым человеком, который вначале расстроился, что она ученица, а потом обрадовался, что учительница. Звали его экспериментальным именем Радий.

– Некрасивая девочка, но с определенным шармом, – сказала мама Радия, преподавательница техникума Инна Марковна.

Радик решил, что это одобрение, и женился.

Жили с Инной Марковной. Алуся рада была сбежать от мамульки, которая недавно нашла у нее в сумочке презервативы и так кричала, что соседка пришла с вопросом:

– У вас всё нормально, Елена Максимовна?

– Ты так кричишь, мама, будто они использованные, – дерзко, при соседке, сказала Алуся. Она не хотела больше быть багажом, который сдают и получают.

Мама чуть не задохнулась ужасом, соседка – восторгом.

– Ты! Да как ты смеешь! Смотри у меня! – закричала мамулька, и тут Алуся выдала ей любимую шуточку Радика:

– Сама у себя смотри!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.